

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ УЧАСТИИ ВСЕМИРНОГО БАНКА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ФОНДА

XIV АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

В четырех книгах

*Ответственный редактор
Е.Г. Ясин*

2

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2014

УДК 330.101.5(063)
ББК 65.012
Ч-54

*Идеи и выводы авторов не обязательно отражают
позиции представляемых ими организаций*

ISBN 978-5-7598-1120-6 (кн. 2)
ISBN 978-5-7598-1118-3

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

М. Asali, A.C. Campoamor Local Human Capital Formation and Optimal FDI	13
G. Guresci Pehlivan, E. Balli Testing the Existence of Ricardian or Non-Ricardian Regimes for CIS Countries...	23
Н. Loechel Crisis Management in the Euro Area: Why Europe's Policy is on the Right Track	29
Л.Е. Гринин Китайская и индийская модели экономического развития и перспективы мирового лидерства	36
Л.М. Исаев Процессы социально-политической дестабилизации в арабских странах: опыт типологизации	46
А.В. Кортаев, Ю.В. Зинькина Социально-демографические риски крупномасштабных гуманитарных катастроф в странах Тропической Африки и пути их предотвращения	60
В.А. Крюков, О.А. Анашкин Перетоки знаний в мировом нефтегазовом секторе — тенденции и уроки для России.....	71
Е.М. Кузьмина Проблемы и интересы России в Центральной Азии на современном этапе.....	80
И.А. Макаров, А.В. Савельева Сельскохозяйственный потенциал Сибири и Дальнего Востока в контексте экономического развития Азиатско-Тихоокеанского региона ...	92
Е.А. Макарова Адаптация мировой экономики к рискам природных бедствий: угрозы и возможности.....	101
С.Ю. Малков, С.Э. Билюга, М.Р. Виляк, Д.А. Склярва Модель ловушек развития экспортно-ориентированных развивающихся стран.....	109

Y. Roshchina	
To Drink or Not to Drink: Demand for Alcohol in Modern Russia	644
K. Абанокова, М. Локшин	
Адаптационное поведение домохозяйств в условиях макроэкономических шоков	652
A.B. Аистов, Н.В. Коваленко	
Супружеская премия.....	661
A. Ампилогов, М. Локшин	
Куда пойти учиться: выбор специальности в вузе	672
E.Я. Варшавская	
Неформальные наемные работники (заметки о «невидимом» персонале)	683
A.A. Зудина	
Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России	693
C.Д. Капелюк	
Межсекторные различия в заработной плате: оценка последствий перехода на новую систему оплаты труда бюджетников.....	703
A.B. Корицкий, С.Д. Капелюк	
Влияние урбанизации на частную и социальную отдачу от образования в России	713
M.M. Локшин, E.M. Чернина	
Мигранты на российском рынке труда: портрет и заработная плата	723
A.A. Миронова	
Особенности организации родственной жизни в контексте влияния на систему частных межпоколенных трансфертов.....	731
A.И. Пьянкова	
Трансформация традиционной переписи населения и новые технологии: зарубежный опыт	740
E.Л. Сороко	
База данных демографических показателей по регионам России и странам мира: опыт разработки.....	750

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ И СУБЪЕКТИВНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС: ПРИМЕР РОССИИ

---

1. Введение

Дискуссия о том, является ли неформальность на рынке труда стратифицирующим механизмом, способствующим обострению социального неравенства, напряженности, депривации работников и маргинализации различных видов неформальной занятости, ведется очень давно. Работы многих исследователей неформальной занятости посвящены тому, как она может влиять на заработки. Однако одними изменениями в материальном благосостоянии не исчерпываются возможные последствия неформальности для социального неравенства, которое формируется за счет не только объективных различий, но и субъективных оценок социального статуса. В этих субъективных оценках заключаются представления самого человека о его месте в обществе, его самоидентификация на социальной лестнице.

Традиционная оценка последствий неформальности для работников основывается на сравнении величин доходов в соответствующих состояниях. Однако этот подход имеет свои ограничения. И дело не только в том, что доходы неформально занятых плохо регистрируются. Важнее то, что качество трудовой деятельности и жизни в целом не сводится только к денежным индикаторам оплаты труда. Сфера труда во многом определяет положение индивида в социальной структуре современного общества, а потому имеет смысл расширить анализ за счет включения в него субъективного социального статуса.

Субъективный социальный статус представляет собой восприятие собственного положения в социальной иерархии [Jackman M., Jackman R., 1973]. Он является предметом отдельного целенаправленного анализа в рамках изучения социальной стратификации, связанного с классовым или статусным самосознанием. Его изучение имеет долгую традицию в эмпирической социологии, восходящую к исследованию Р. Центерса [Centers, 1949], в рамках которого респондентов просили оценить свое положение в предложен-

ном континууме иерархически выстроенных классов. Согласно результатам исследований субъективный социальный статус оказывает влияние на поведение индивида в самых различных сферах (от потребления до физического и психического здоровья) [Shankar, McMunn, Steptoe, 2010; Adler et al., 2000; Demakakos et al., 2008; Sakurai et al., 2010; Reitzel et al., 2007], на восприятие политической и экономической ситуации [Della Fave, 1980; Shepelak, 1987], на взаимоотношения с другими людьми [Lindemann, 2007]. Именно поэтому данный индикатор активно применяется в качестве информативного индикатора экономических и социальных изменений, учитывается при разработке соответствующих рекомендаций для социальной политики [Kopp et al., 2005]. Показатели субъективного социального статуса до сих пор практически не использовались в исследованиях неформальной занятости, и в данной работе представлена попытка исправить это упущение¹.

2. Эмпирические данные и методология

Основная задача данной работы — анализ связей между (не) формальным положением работников на рынке труда и их субъективным социальным статусом. Для этого мы рассмотрим, как различные состояния на рынке труда влияют на соответствующие самооценки, и проанализируем, вызывает ли смена статуса формальности/неформальности изменения в них.

Исходная гипотеза в рамках данного исследования заключается в том, что деление на формальную и неформальную занятость в России дифференцирует работников по субъективному социальному статусу. Согласно ей неформальные работники будут отличаться более низким уровнем самооценок социального статуса на фоне более благополучных представителей формальной занятости.

Эмпирической базой настоящего исследования являются данные РМЭЗ–ВШЭ за 2000–2010 гг.² Панельный характер данных позволил проанализировать перемещения работников на рынке труда и связанные с ними изменения в субъективном социальном статусе. В рамках анализа использовались пять показателей субъективного социального статуса, содержащихся в базе РМЭЗ–ВШЭ³. В работе приводится анализ динамики средних само-

---

¹ Самооценки социального статуса использовались Б. Темкиным при изучении неформальной самозанятости в Мексике [Temkin, 2009], но они не были центральной темой исследования.

² О проекте см.: <http://www.hse.ru/flms/>.

³ Самооценка положения по шкалам: 1) бедные — богатые; 2) бесправные — обладающие властью; 3) уважение со стороны окружающих; 4) обеспокоенность будущим

оценок социального статуса различных категорий неформальных работников (самозанятых, неформальных наемных работников, нерегулярно занятых) на протяжении 2000-х гг., проводится их сравнение с аналогичными показателями формальных работников, безработных и представителей экономически неактивного населения. Особое внимание уделяется изучению типа неформальной занятости как фактора формирования субъективного социального статуса с использованием различных эконометрических методов. Для этого были оценены порядковые пробит-регрессии на каждой из 11 волн обследования РМЭЗ–ВШЭ, а потом рассмотрены панельные регрессии с фиксированными эффектами для учета возможных ненаблюдаемых эффектов, которые могут приводить к самоотбору в сектор занятости или изначальной психологической склонности к самооценкам определенного уровня. Они были оценены как для всей совокупности респондентов, так и (для более глубокого анализа) на подвыборке занятых с включением дополнительных контролирующих переменных, учитывающих характеристики занятости.

3. Как неформальные работники оценивают свой социальный статус в России?

Согласно дескриптивному анализу, проведенному на первом этапе исследования, динамика и межгрупповые различия в средних самооценках социального статуса в 2000–2010-е гг. зачастую не являются значимыми. По некоторым характеристикам статуса значимых различий между формальными работниками и неформально занятыми по найму вообще нет. Значимые различия в средних субъективных оценках по сравнению с работниками формального сектора демонстрирует группа неформальных самозанятых, для которых характерны более высокие оценки собственного благосостояния, власти, удовлетворенности своим текущим материальным положением и более высокий уровень уверенности в будущем материальном положении. Нерегулярным работникам оказывались присущи наиболее низкие самооценки, что делало эту группу в данном отношении похожими на безработных.

Действительно ли значимых различий в восприятии своего социального положения между формальными и неформальными работниками на российском рынке труда нет? Простое сравнение средних не дает ответ на этот во-

---

материальным положением; 5) удовлетворенность текущим материальным положением.

Важно подчеркнуть, что ранее в исследованиях неформальной занятости самооценки власти и уважения никогда не рассматривались.

прос. С помощью эконометрического анализа (пробит-модели для порядковых данных) мы пытались выявить «чистый» вклад неформальности в формирование таких самооценок. На базе каждой из 11 волн РМЭЗ—ВШЭ было оценено пять моделей, различающихся видом самооценки социального статуса в качестве зависимой переменной⁴.

В рамках анализа было установлено, что выявленные устойчивые различия между самозанятыми и формальными работниками оказываются связаны с «материальными» параметрами субъективного социального статуса (уровень благосостояния, возможность самообеспечения в будущем и удовлетворенность текущим материальным положением)⁵. В этом самозанятые чувствуют себя значимо лучше формальных работников. Одновременно при прочих равных условиях формальные работники и самозанятые испытывают сходный уровень уважения к себе и обладают сопоставимыми ощущениями, касающимися дистанции до власти.

Восприятие собственного социального статуса у неформальных наемных работников представляет собой обратную картину. Различий по «материальным» атрибутам субъективного социального статуса с формальными работниками практически нет. Однако они ощущают себя значительно более бесправными и менее уважаемыми по сравнению с формальными работниками.

По своим самоощущениям нерегулярные работники являются одной из самых обделенных категорий неформальной занятости. По самооценкам они похожи на тех, кто не имеет доходов от занятости, — на экономически неактивных и безработных. По сравнению с формальными работниками они ставят себя значимо ниже по всем пяти шкалам: они ощущают себя беднее, бесправнее, менее удовлетворенными текущим материальным положением и менее уверенными возможностью обеспечивать себя в будущем, а также менее уважаемыми.

При контроле ненаблюдаемых индивидуальных характеристик при рассмотрении модели с фиксированными эффектами различия между самозанятыми и формальными работниками по одному из «материальных» атрибутов субъективного социального статуса — показателю уверенности в будущем материальном положении — становятся незначимыми (табл. 1).

---

⁴ Набор контролируемых характеристик включал пол, возраст, состояние в браке, тип населенного пункта, образование, самооценку здоровья, число детей в домохозяйстве, логарифм душевого дохода, статус студента, статус пенсионера, федеральный округ, статус на рынке труда. Последняя переменная принимала шесть различных значений (самозанятость, неформальная занятость по найму, нерегулярная занятость, формальная занятость, безработица, экономическая неактивность), а формальная занятость выбрана в качестве базовой категории.

⁵ См. табл. П-2 в полной версии работы, опубликованной в [Зудина, 2013].

Таблица 1. МНК-модели с фиксированными эффектами, все состояния на рынке труда, 2000–2010 гг., РМЭЗ–ВШЭ

	Субъективное благосостояние		Субъективная власть		Субъективное уважение		Уверенность в возможности самообеспечения в будущем		Удовлетворенность текущим материальным положением	
	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se
Все										
<i>Самозанятые</i>	0,140***	0,045	0,013	0,054	0,023	0,052	0,017	0,043	0,152***	0,036
<i>Неформальный наем</i>	-0,044**	0,022	-0,110***	0,026	-0,066**	0,027	-0,029	0,02	-0,017	0,018
Формальный сектор	базовый									
<i>Безработные</i>	-0,285***	0,026	-0,253***	0,03	-0,279***	0,031	-0,340***	0,021	-0,363***	0,019
<i>Случайная занятость</i>	-0,127***	0,025	-0,141***	0,028	-0,079***	0,028	-0,153***	0,021	-0,202***	0,019
<i>Экономически неактивные</i>	-0,165***	0,018	-0,163***	0,021	-0,211***	0,022	-0,064***	0,016	-0,170***	0,015
<i>N</i>	115950		114519		113017		116869		117326	
<i>Number of groups</i>	28034		27923		27819		28185		28228	
<i>r2_w</i>	0,013		0,016		0,007		0,011		0,03	
<i>sigma_u</i>	1,311		1,699		1,45		1,056		1,149	
<i>sigma_e</i>	1,11		1,28		1,328		0,988		0,878	
<i>rho</i>	0,583		0,638		0,544		0,533		0,631	
Мужчины										
<i>Самозанятые</i>	0,181***	0,059	0,099	0,072	0,054	0,066	0,016	0,056	0,167***	0,046
<i>Неформальный наем</i>	-0,034	0,031	-0,083**	0,036	-0,091**	0,038	-0,070**	0,029	-0,02	0,025
Формальный сектор	базовый									
<i>Безработные</i>	-0,422***	0,038	-0,313***	0,044	-0,330***	0,046	-0,422***	0,033	-0,499***	0,028
<i>Случайная занятость</i>	-0,173***	0,034	-0,166***	0,037	-0,092**	0,038	-0,200***	0,03	-0,256***	0,026
<i>Экономически неактивные</i>	-0,285***	0,029	-0,244***	0,033	-0,268***	0,036	-0,076***	0,026	-0,284***	0,023
<i>N</i>	48955		48468		47823		49324		49534	
<i>Number of groups</i>	12405		12375		12327		12465		12501	
<i>r2_w</i>	0,015		0,016		0,008		0,012		0,033	
<i>sigma_u</i>	1,314		1,724		1,443		1,064		1,132	
<i>sigma_e</i>	1,12		1,302		1,335		1,028		0,893	
<i>rho</i>	0,579		0,637		0,539		0,517		0,616	

Окончание табл. 1

	Субъективное благосостояние		Субъективная власть		Субъективное уважение		Уверенность в возможности самообеспечения в будущем		Удовлетворенность текущим материальным положением	
	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se
Женщины										
Самозанятые	0,069	0,068	-0,119	0,083	-0,029	0,084	0,007	0,067	0,119**	0,057
Неформальный найм	-0,057*	0,032	-0,136***	0,037	-0,039	0,038	0,019	0,028	-0,014	0,026
Формальный сектор	базовый									
Безработные	-0,172***	0,036	-0,203***	0,04	-0,234***	0,042	-0,267***	0,027	-0,251***	0,026
Случайная занятость	-0,091**	0,037	-0,120***	0,042	-0,072*	0,043	-0,099***	0,031	-0,157***	0,029
Экономически неактивные	-0,089***	0,024	-0,112***	0,027	-0,170***	0,028	-0,055***	0,021	-0,096***	0,019
<i>N</i>	66995		66051		65194		67545		67792	
Number of groups	15629		15548		15492		15720		15727	
r2_w	0,013		0,018		0,007		0,013		0,031	
sigma_u	1,198		1,352		1,437		1,031		0,925	
sigma_e	1,101		1,263		1,323		0,959		0,865	
rho	0,542		0,534		0,541		0,536		0,533	

Примечание. Контролируются те же характеристики, что и в пробит-моделях.

Одновременно с этим самозанятые по-прежнему демонстрируют значимо более высокий уровень самооенок по двум другим материальным параметрам — субъективному благосостоянию и удовлетворенности текущим материальным положением. При прочих равных условиях при переходе из формальной занятости в самозанятость самооценка благосостояния увеличивается на 0,14 балла. При совершении аналогичного перехода значимо увеличивается и самооценка удовлетворенности текущим материальным положением по сравнению с формальными работниками — на 0,15 балла. Изменением других параметров субъективного социального статуса этот переход не сопровождается: по показателям власти и уважения значимых различий между самозанятыми и формальными работниками не наблюдается.

Переход из формального найма в неформальный не отражается на изменении самооенок «материальных» атрибутов субъективного социального статуса, однако влияет на самооценки власти и уважения, что согласуется с результатами предыдущего этапа анализа. Исключение составляет только показатель субъективного материального благосостояния. При переходе в неформальный найм он падает на 0,04 балла, считая все прочие условия неизменными и равными.

Отметим, что величина этого эффекта очень мала, хотя и статистически значима. Этот переход сопряжен и с ухудшением самооценок власти и уважения, которые снижаются на 0,11 и 0,06 балла соответственно.

Переход к нерегулярной занятости из формальной сопровождается значимым ухудшением всех самооценок статуса. При прочих равных условиях самооценка благосостояния уменьшается на 0,13 балла; самооценка власти — на 0,14; самооценка уважения — на 0,08; самооценка уверенности в возможностях самообеспечения — на 0,15; а удовлетворенность текущим материальным положением — на 0,2 балла. В этом отношении нерегулярные работники оказываются похожи на экономически неактивных респондентов, снижение самооценок которых при переходе из формальной занятости имеет примерно сопоставимый размер. При этом безработные представляются наиболее депривированной категорией населения, так как переход в безработицу из состояния формальной занятости оказывает на их самооценки наиболее значительный эффект. Падение самооценок субъективного социального статуса по разным показателям колеблется в интервале 0,3–0,4 балла, в то время ни один из возможных переходов из формальной занятости в неформальную таким падением самооценок не сопровождается.

На последнем этапе анализа модели с фиксированными эффектами были оценены только для занятых (табл. 2).

В данной спецификации учитывались те же характеристики, что и на предыдущем этапе, но также вводились дополнительные переменные, контролирующие характер работы (отрасль занятости, специфический стаж, наличие второй работы, логарифм числа отработанных часов)⁶. В такой спецификации практически все различия в субъективном социальном статусе между неформальными наемными работниками и формальными работниками становятся незначимыми. Единственным исключением является самооценка показателя власти, коэффициент для которой снижается, но остается значимым на 10%-м уровне. Можно предположить, что выявленные в предыдущей спецификации различия, касающиеся субъективного благосостояния и уважения, скорее всего объяснялись характеристиками занятости.

В то же время даже в этой уточненной спецификации наблюдались значимые различия между самозанятыми и формальными работниками по субъективному благосостоянию и удовлетворенности текущим материальным положением. Переход в самозанятость из формального сектора сопровождался

---

⁶ В этом случае автору пришлось ограничиться тремя типами занятости (самозанятость, неформальный наем, формальная занятость), поскольку для нерегулярно занятых отсутствуют необходимые данные о характеристиках работы. Базовой категорией для сравнения вновь выступала формальная занятость.

Таблица 2.

МНК-модели с фиксированными эффектами, только занятые, 2000–2010 гг., РМЭЗ–ВШЭ

	Субъективное благосостояние		Субъективная власть		Субъективное уважение		Уверенность в возможности самообеспечения в будущем		Удовлетворенность текущим материальным положением	
	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se
Все										
<i>Самозанятые</i>	0,164***	0,057	0,081	0,068	-0,007	0,066	-0,037	0,054	0,167***	0,045
<i>Неформальный найм</i>	-0,001	0,028	-0,063*	0,032	-0,031	0,034	-0,014	0,025	-0,003	0,023
<i>Формальный сектор</i>	базовый									
<i>N</i>	58412		57944		57305		58617		58768	
Number of groups	17026		16981		16912		17073		17088	
<i>r</i> ² _w	0,013		0,019		0,009		0,009		0,03	
<i>sigma</i> _u	1,382		2,06		1,392		1,046		1,176	
<i>sigma</i> _e	1,053		1,246		1,234		0,96		0,844	
<i>rho</i>	0,633		0,732		0,56		0,543		0,66	
Мужчины										
<i>Самозанятые</i>	0,213***	0,077	0,147	0,091	0,093	0,083	-0,054	0,077	0,173***	0,058
<i>Неформальный найм</i>	-0,019	0,04	-0,053	0,046	-0,034	0,047	-0,071**	0,036	-0,013	0,033
<i>Формальный сектор</i>	базовый									
<i>N</i>	26369		26193		25919		26507		26579	
Number of groups	8155		8143		8113		8185		8198	
<i>r</i> ² _w	0,013		0,018		0,01		0,008		0,025	
<i>sigma</i> _u	1,374		2,12		1,4		1,079		1,173	
<i>sigma</i> _e	1,057		1,264		1,24		1,002		0,86	
<i>rho</i>	0,628		0,738		0,56		0,537		0,65	
Женщины										
<i>Самозанятые</i>	0,101	0,084	-0,007	0,101	-0,161	0,106	-0,01	0,074	0,162**	0,072
<i>Неформальный найм</i>	0,027	0,041	-0,067	0,046	-0,032	0,05	0,058	0,035	0,012	0,033
<i>Формальный сектор</i>	базовый									
<i>N</i>	32043		31751		31386		32110		32189	
Number of groups	8871		8838		8799		8888		8890	
<i>r</i> ² _w	0,016		0,022		0,011		0,013		0,037	
<i>sigma</i> _u	1,159		1,348		1,385		1,013		0,901	
<i>sigma</i> _e	1,05		1,231		1,229		0,925		0,83	
<i>rho</i>	0,549		0,545		0,559		0,545		0,541	

Примечание. Контролируются те же характеристики, что и в предыдущей модели, плюс отрасль занятости, специфический стаж, наличие второй работы, логарифм часов рабочей недели.

ется значимым увеличением самооценки благосостояния (на 0,16 балла) и удовлетворенности текущим материальным положением (на 0,17 балла).

4. Заключение

Подводя итог, можно сказать, что у нас нет оснований утверждать, что на российском рынке труда неформальность выступает одним из механизмов социальной стратификации, относя неформальных работников к людям «второго сорта». Отсутствие значимых различий между самооценками большей части неформальных и формальных работников, небольшой размер эффекта перехода в различные состояния неформальной занятости из формальной, близкий средний уровень самооценок всех статусов на рынке труда не позволяют говорить о наличии четко отделенных друг от друга социально-экономических групп, а значит, о выраженной связи неформальной занятости и социальной стратификации российского общества. Тем самым исходная исследовательская гипотеза о формировании сегментированного рынка на фоне наблюдавшегося в России в 2000-е гг. экономического роста не получает поддержки в данных о субъективном статусе.

Полученные результаты являются не столько характеристикой неформальной занятости на российском рынке труда, сколько индикатором качества институтов формального сектора, ведь формальный сектор в восприятии работающего населения не связывается ни с возможностями улучшить свое благосостояние, ни с системой социальной защиты. Важно, что в восприятии российских работников в большинстве случаев трудовая мобильность не сопровождается значительным изменением самооценок социального статуса, а значит, не связывается с возможностью подняться на «социальном лифте». Подобное понимание социальной иерархии будет демотивировать получение дополнительного профессионального образования, повышение квалификации и рост производительности труда, что в дальнейшем только поспособствует усилению чувства депривации большей части работающего населения. И решающую роль к этому процессу будут играть не рост неформальной занятости сам по себе, а институты формального сектора.

Литература

Зудина А.А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России: Препринт WP3/2013/01. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. URL: http://www.hse.ru/data/2013/03/12/1293544349/WP3_2013_01.pdf.

Adler N. et al. Relationship of subjective and objective social status with psychological and physiological functioning: Preliminary data in healthy white women // *Health Psychology*. 2000. No. 19 (6). P. 586–592.

Centers R. The psychology of social classes: A study of class consciousness. Princeton: Princeton University Press, 1949.

Della Fave L.R. The meek shall not inherit the Earth: Self-evaluation and the legitimacy of stratification // *American Sociological Review*. 1980. No. 45 (6). P. 955–971.

Demakakos et al. Socioeconomic status and health: The role of subjective social status // *Social Science & Medicine*. 2008. No. 67 (2). P. 330–340.

Jackman M.R., Jackman R.W. An interpretation of the relation between objective and subjective social status // *American Sociological Review*. 1973. No. 38. P. 569–582.

Kopp et al. Low socioeconomic status of the opposite sex is a risk factor for middle aged mortality // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2005. No. 59 (8). P. 675–678.

Lindemann K. The impact of objective characteristics on subjective social position // *Trames*. 2007. No. 11. P. 54–68.

Reitzel et al. The influence of subjective social status on vulnerability to postpartum smoking among young pregnant women // *American Journal of Public Health*. 2007. No. 97 (8). P. 1476–1482.

Sakurai K., Kawakami N., Yamaoka K., Ishikawa H., Hashimoto H. The impact of subjective and objective social status on psychological distress among men and women in Japan // *Social Science & Medicine*. 2010. No. 70 (11). P. 1832–1839.

Shankar A., McMunn A., Steptoe A. Health-related behaviors in older adults: Relationships with socioeconomic status // *American Journal of Preventive Medicine*. 2010. No. 38 (1). P. 39–46.

Shepelak N.J. The role of self-explanations and self-evaluations in legitimating inequality // *American Sociological Review*. 1987. Vol. 52. No. 4. Aug. P. 495–503.